

Абдусаламов Магомед-Паша Балашович, Чекулаев Николай Дмитриевич

КОМЕНДАНТ ДЕРБЕНТА: ПРАВА И ПОЛНОМОЧИЯ КАК ПРЕДСТАВИТЕЛЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРАТОРСКОЙ ВЛАСТИ В ДАГЕСТАНЕ (1722-1735 ГГ.)

В статье на основе анализа материалов Кизлярского комендантского архива авторы впервые компактно рассматривают права и полномочия дербентского коменданта, выделяя их в предмет отдельного исследования, что позволяет выявить специфику и конкретное содержание исследуемой темы. Авторы объективно приходят к выводу, что в юрисдикцию дербентского коменданта входили не только административные, но и финансово-хозяйственные функции.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2014/2-2/1.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 2 (40): в 2-х ч. Ч. II. С. 13-18. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2014/2-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 94(470.67)

Исторические науки и археология

В статье на основе анализа материалов Кизлярского комендантского архива авторы впервые компактно рассматривают права и полномочия дербентского коменданта, выделяя их в предмет отдельного исследования, что позволяет выявить специфику и конкретное содержание исследуемой темы. Авторы объективно приходят к выводу, что в юрисдикцию дербентского коменданта входили не только административные, но и финансово-хозяйственные функции.

Ключевые слова и фразы: комендант; Низовой корпус; Дербент; Дагестан; кавказская политика; аманатчики.

Абдусаламов Магомед-Паша Балашович, к.и.н.

Дагестанский государственный институт народного хозяйства
vikingpasha@mail.ru

Чекулаев Николай Дмитриевич, к.и.н.

Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра Российской академии наук
bratzikow1974@mail.ru

**КОМЕНДАНТ ДЕРБЕНТА: ПРАВА И ПОЛНОМОЧИЯ КАК ПРЕДСТАВИТЕЛЯ
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРАТОРСКОЙ ВЛАСТИ В ДАГЕСТАНЕ (1722-1735 ГГ.)[©]**

Данная статья публикуется при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда научного проекта № 13-01-00039/13 «Императорские гарнизоны на территории Западного и Южного побережья Каспийского моря в контексте восточной политики России (1722-1735 гг.)».

В результате осуществления Персидского похода государя Петра I (или, как называют его кавказские историки, «Каспийского» похода) была присоединена территория Западного и Южного побережья Каспийского моря. Для упрочения российского владычества над покоренными народами, охраны и соблюдения порядка Петром I оставлен корпус регулярных и иррегулярных войск в количестве 8 драгунских и 10 полевых пехотных полков общей численностью 20 354 человека, которые в 1724 г. образовали Низовой (Персидский) корпус [6, с. 327].

В данной работе на основе архивных документов рассматриваются с объективных позиций права и полномочия коменданта Дербентского гарнизона как представителя российской власти в Дагестане. А истории самого Низового корпуса посвящена лишь одна работа видного отечественного историка И. В. Курукина [Там же, с. 25].

В данной работе впервые вводятся в научный оборот конкретные документы так называемого «Кизлярского комендантского архива», в состав которого входят фонды, освещавшие жизнедеятельность Низового корпуса (коменданты крепости Астара, Баку, Дербента, Куры, Святого Креста, Терки и канцелярии бригадира Шипова, генералов В. Я. Левашова, Фаминцина, фон Венгдигера и штаба Низового корпуса). Характерной особенностью данных источников является то, что они представляют собой делопроизводство вышеперечисленных гарнизонов Низового корпуса. В более надлежащем состоянии находится так называемый «Дербентский комендант (175 дел)». Далее по объему содержащихся документов можно перечислить: «комендант Астара (36 дел)», «Бакинский комендант (80 дел)», «комендант крепости Святого Креста (49 дел)», а «коменданты» прочих гарнизонов Низового корпуса очень малочисленны. Так, «комендант крепости Астара (36 дел)», «комендант крепости Терки (34 дел)», «Куринский комендант (7 дел)», фонды походных канцелярий руководства Низового корпуса имеют в своем составе еще меньше дел. Сюда также можно отнести: «канцелярии» «бригадира Шипова (7 дел)», «генерал-лейтенанта В. Я. Левашова (12 дел)», «генерал-майора Фаминцина (15 дел)», «генерал-лейтенанта фон Венгдигера (32 дела)».

К большому сожалению, ни в одном из вышеперечисленных источников по истории Низового корпуса нет полных данных хотя бы за один год, полностью отсутствуют документы за 1722 и очень разрозненные сведения за 1735 г. Нет ни одного документа, сообщающего о том, как осуществлялся вывод российских войск хотя бы из одной крепости на побережье Каспийского моря. Но, несмотря на то, что ни один из вышеперечисленных источников не отражает в полном объеме деятельность гарнизона (Баку, Дербента и прочих крепостей) за весь период существования Низового корпуса, в то же время они позволят узнать, как функционировал Дербентский гарнизон. Данные документы сообщают, какой была организационная структура гарнизона, как осуществлялось комплектование, раскрывается система снабжения, расходов, медицинского обслуживания военнослужащих. Имеются многочисленные документы о функционировании в гарнизонах военного суда; о службе военных чинов в крепости.

В отечественной историографии нет отдельных работ о месте и роли комендантов Низового корпуса в осуществлении кавказской политики России в 1722-1735 гг., когда территория Западного и Южного побережья Каспийского моря находилась в составе Российской империи. В работах отечественных кавказоведов имеется только упоминание об отдельных комендантах Дербента, крепости Святого Креста, Баку, но ничего

не сообщается об их роли в политике Российского государства в регионе. Только известный дореволюционный историк П. Г. Бутков в своей работе приводит списки комендантов крепостей Терки и Святого Креста и утверждает, что назначенный комендантом города Дербента 29 августа 1722 г. полковник А. Т. Юнгер оставался в этой должности до ухода российских войск из Дербента в 1735 г. [2, с. 27].

18 марта 1728 года по указу Верховного Тайного Совета полковник фон-Лукей был пожалован в бригадиры с назначением его комендантом Дербента, а его предшественник бригадир А. Т. Юнгер назначен комендантом в г. Астрахань на место бригадира Остафьева, увольняемого от военной службы [10, с. 137].

29 марта 1733 г. по приказу генерал-майора А. Б. Бутурлина полковник Апшеронского пехотного полка Никита Иванович Ступишин был назначен комендантом Дербента, а бывшему дербентскому коменданту князю Михаилу Михайловичу Барятинскому было велено сдавать все дела новому коменданту и затем отправляться в крепость Святого Креста [13, д. 166, л. 79, 81, 123]. Осенью 1733 г. комендант Н. И. Ступишин по болезни подал в отставку [Там же, д. 151, л. 28, 57]. Новым комендантом стал полковник Яков Мануйлович Ломан [Там же, л. 105].

В результате изучения документа местного архива нами был составлен следующий список дербентских комендантов (1722-1735 гг.), с указанием времени их службы.

1. Полковник (в 1725 г. уже в чине бригадира) Андрей Томасович Юнгер (29 августа 1722 – 18 марта 1728 г.).
2. Бригадир фон-Лукей (18 марта 1728 – январь 1729 год (скончался от ран)).
3. Полковник Андрей Петрович Девиц (1731 г.).
4. Подполковник Иван Михайлович Безобразов (1731 г.).
5. Полковник князь Михаил Михайлович Барятинский (лето 1731 – 29 марта 1733 г.).
6. Полковник Никита Иванович Ступишин (29 марта – 20 октября 1733 г.).
7. Полковник Яков Мануйлович Ломан (20 октября 1733 – сентябрь 1735 г.) [8, с. 178-179].

В обязанности коменданта входило:

- 1) управление находящимся в крепости гарнизоном;
- 2) наблюдение за порядком, спокойствием в крепости и вне нее;
- 3) охрана города от неприятеля.

В его юрисдикцию входили также финансовые, хозяйственные, административные и политические функции [13, д. 157, л. 2].

Имеющиеся в нашем распоряжении архивные документы свидетельствуют, что комендант Дербента имел сношения с дагестанскими владетелями [8, с. 179-190].

Хранящиеся в ЦГА РД документы свидетельствуют о том, что дербентский комендант играл значительную роль в осуществлении Россией своей кавказской политики в Дагестане, об этом свидетельствует «Журнал коменданта Юнгера», в котором содержится переписка между ним и дагестанскими владетелями (шамхалом Тарковским, уцмием Кайтага и др.) [13, д. 162, л. 1-3, 5, 7, 11, 19-21, 31-40].

Так, 16 декабря 1722 г. шамхал прислал к полковнику Юнгеру два письма. В одном из них он просил коменданта об освобождении из-под стражи слуги своего человека, грузина, взятого в Дербенте под караул, а в другом – спрашивал Юнгера: «от чего он не разоряет деревень *–жмеевых*», (*т.е. принадлежащих кайтагскому уцмию – М.-П. А., Н. Ч.*), и вместе с тем советовал ему, чтоб держал себя в Дербенте осторожно, никого из жителей не слушал и был бы верен своему государю» (*причины того, что шамхал Тарковский предлагал разорить уцмий Кайтага, состояли в том, что данный феодальный владетель был не только против установления в Дагестане власти России, но и вел против русских войск военные действия – М.-П. А., Н. Ч.*) [12, д. 1, л. 2].

Спустя три месяца, 16 апреля 1723 г., Юнгер получил от шамхала новое письмо, в котором также заключается только просьба об освобождении какого-то Дамарчи, отосланного в Дербент за воровство лошадей, а 13 мая, в дополнение к письму своему от 16 декабря, шамхал вместо просьбы о разорении деревень уцмий просил коменданта принять того к себе в дружбу, так как он во всех своих прежних поступках повинился и обещался служить впредь русскому государю верно. В знак дружбы шамхал и уцмий положили отправить своих сыновей с войском в Шемаху, а «что там явится, – писал шамхал к дербентскому наibu, – то и я с уцмием поеду и с вами увижусь» [13, д. 84, л. 2].

После 28 июня шамхал Тарковский снова извещал дербентского коменданта и наibu Дербента, «что он помирился с уцмием, затем уверяя Юнгера, что он служит государю всем сердцем, просил не сомневаться в правдивости его слов и не слушать его недоброжелателей, которых у него много и которые всегда готовы очернить его. 4 августа наibом представлены были коменданту письма, отправленные в Шемаху шамхалом к сыну своему. В письмах этих шамхал предостерегал сына, чтобы тот не разорял мирных жителей и вел себя добросовестно» [Там же, д. 2 а, л. 2-3]. Через два месяца, после 3 октября, шамхал Тарковский снова извещал коменданта Юнгера, «что он с товарищами разорил деревню Мушкур и уезды ее, и добычу отправили в Тарки со своими людьми» [Там же].

Уцмий, владелец Кайтага, в письмах своих на имя коменданта Юнгера и наibu Дербента Имам Кули-хана сообщает, что он готов всегда служить верой русскому государю и исполнять волю дербентского начальства; а относительно своих подданных каракайдаков, которые живут в горах, говорит, что так как они ему не послушны и поступают против русских, то он предоставляет Дербентскому коменданту полное право наказывать их, как будет ему угодно, и совершенно отказывается давать им от себя какое-либо пособие [Там же, д. 79, л. 5].

3 декабря 1723 г. уцмий Кайтага прислал письмо к полковнику А. Т. Юнгеру и к наибу следующего содержания: «Господин полковник и дербентский комендант и наиб, здравствуйте. Прежде сего несподевался де я его Шахову величеству быть в нашем владении, что ради посылал я нарочно сосведомиваться и уведомился де я ныне, что шах наш правдиво есть в живе, того де ради, как прежде отцы наши и деды с дербентскими жители в любви, также де и ныне я с Вами желаю быть приятелем, о чем я и писал до Вашей милости; а которые каракайдаки, как прежде сего между нами чинили возмущение, также де и ныне между нами возмущение чинят, всякие продерзости, и не желают мне с своими людьми, чтобы мы с вами были в дружелюбии, чего ради я их многожды уговаривал и унимал, чтоб они от воровства перестали, и они того чинить не перестали и ныне тож делают, того ради вам объявляю, ежели вы изволите их разорять за то, то изволите; а я своим людям заказал, ежели дербенцы будут разорять каракайдаков, чтоб наши ни один человек к ним на помощь не ходили, и ныне я буду со своими людьми вам приятель и будем в дружбе, что никогда так не бывали, но хотя есть на меня вам некоторое и слово, будто я виноват, и когда будем между собой во всеконечной дружбе, то моя вина вам будет явна» [14, д. 21, л. 45].

Данное письмо уцмий Кайтага свидетельствует о том, что он, видя усиление власти России в Дагестане, пытается оправдаться перед российской военной властью тем, что подобные антироссийские действия им, уцмием, не были организованы, а все это инициатива самих кайтагцев.

Комендант, кроме того, неоднократно посылал шпионов в подвластные России горские владения, чтобы быть в курсе всех замыслов владетелей [13, д. 97, л. 21].

Так, коменданту Дербента в декабре 1722 г. стало известно, что Эндиреевский владетель Чопан-шамхал «посылает людей своих в Крым... просит войско к себе на помощь», о чем было своевременно доложено в Коллегию иностранных дел. [Цит. по: 7, с. 132].

Ссылаясь на сведения, полученные от аксаевского князя Султан-Махмуда, 31 мая 1723 г. полковник Юнгер доносил астраханскому губернатору А. П. Волынскому, что «де намерен из Крыма Бахти-Гирей солтан со своими, совокупясь с уцмием и Дауд-беком и прочими горскими басюрманами народами, идти на крепость Святого Креста» [Цит. по: 11, с. 103-104, 116].

Комендант Дербента неоднократно получал сведения об измене Тарковского шамхала Адиль-Гирея и о его намерении напасть со своим войском на крепость Святого Креста. Так, в начале 1725 г. дербентский комендант сообщал в Коллегию иностранных дел, что получил известие о том, что якобы «носол шамхала Малабек» побывал у шаха, передал просьбу Адиль-Гирея и уцмий простить «в их винах», и ожидается нападение иранцев с шамхальскими и кайтагскими войсками на Бакинский и Дербентский уезды [13, д. 140, л. 3].

Дербентский комендант А. Т. Юнгер доложил главнокомандующему Низовым корпусом генерал-лейтенанту М. А. Матюшкину: «16-го дня апреля 725-го году пришел в Дербень калмык Амса Верде ис Тарков, которой послан был из Дербена в крепость Святого Креста с письмами, и оной калмык допрашиван, а в допросе сказал: как де я от шамхала поехал, и шамхал де мне приказал сказать в Дербене полковнику и коменданту, что которых де нагайцов государь отдал мне во владенье и оных нагайцов генерал (*генерал-майор Г. С. Кропотов, один из руководителей крепости Святого Креста – М.-П. А., Н. Ч.*) у меня отнял, также де государь велел мне взять у него, генерала, войска и пушки и со всеми неприятelmi управитца, и он де, генерал, мне ни войска, ни пушек не дал же; и ныне меня не послушали горские жители, приступали к крепостям по Сулаку и к Бучю, и все горские жители мне не верят, что я будто с российскими заодно; и стал ни к той стороне, ни к другой; и ныне вздумал я, чтоб быть на стороне з горскими и быть российским неприятелем, что будет всем горским, то де и мне будет» [Цит. по: 6, с. 140-141]. Другой информатор, прибывший из Тарков в Дербент 21 апреля торговец Садык Азисев, рассказал: «...как де шамхал приехал в Тарки и тогда де тавлинцы (*слово "тавлинец" не есть этническое и не употребляется самими народами, известными нам под этим именем; словом т. (от тау – гора, таули – горец) грузины и кумыки, а за ними и русские, обозначают горское население Северного Дагестана – М.-П. А., Н. Ч.*) по 100 и по 200 человек после приступу ездили на Сулак и скотину отгоняли, и которые российские люди человек з дватцать везли провиант в крепость Святого Креста, тех де на пути порубили и провиант взяли сколько было, а ныне он, шамхал, послал людей своих в горы и велел всем горским жителям збиратца» [Цит. по: Там же, с. 141-142].

Таким образом, комендант А. Т. Юнгер не раз уведомлял главнокомандующего Низовым корпусом генерал-лейтенанта М. А. Матюшкина о полученных им от разных людей сведениях об антироссийских действиях Тарковского шамхала Адиль-Гирея.

3 июня 1726 г. дербентский комендант Юнгер доносил, что уцмий с тремя сыновьями стоит в Башлы, «а при нем 10 000 войска и 18 железных медных пушек... утамышский владетель Султан-Махмуд с 5 000 войском стоит у деревни Утамыш, а по ту сторону Утамыша стоит аварского исмея, акушинского кадия в собрание же войска с 10 000», с которыми уцмий намерен русским войскам, находившимся у речки Инче, «дать баталию, а в аманаты никого не даст» [Цит. по: 11, с. 122].

В обязанность коменданта Дербента на основании распоряжений Коллегии иностранных дел входило вести наблюдения и отслеживать действия казикумухского владетеля Сурхай-хана и, если он будет пытаться разорить подвластных России горских владетелей или напасть на русские войска, немедленно сообщать об этом [12, д. 95, л. 3-4]. 20 сентября 1722 г. Юнгер доложил, что воины Хаджи-Дауда, уцмий, казикумухского Сурхай-хана и Утамышского султана захватили русский редут на реке Орта-Буган (в шестидесяти верстах от Дербента) «и люди караульные от неприятеля побиты» [6, с. 71].

Весной 1724 г. Сурхай-хан Казикумухский вновь обратился к российским властям: в письме к Юнгеру он заявлял, что помирился с бакинским комендантом Барятинским и предпринял усилия для поимки Хаджи-Дауда, но тот вовемя «из оной провинции к туркам уходом ушел». Сам же он, как человек миролюбивый, отказался от совместного с уцмием и шамхалом похода «для розарения Генже» и приглашал в свои владения купцов из Дербента и Баку [Там же, с. 115-116].

На основе указа от 7 июня 1729 г. комендант следил за тем, чтобы купцы и маркитанты провиант, кроме Дербента, Баку и прочих мест, где есть русские гарнизоны, в другие места, в том числе и в горы, не доставляли. Для контроля за исполнением указа коменданту велено было не выдавать купцам паспорта в земли, не находящиеся под контролем российских войск, а для большей уверенности в исполнении указа выделить воинский конвой для купцов [13, д. 38, л. 45].

Немаловажное значение в экономической составляющей кавказской политики России изучаемого периода имела проблема запретов на так называемые «заповедные товары» (т.е. состоящие под запретом) – железо, сталь, свинец, селитру, порох, как и вещи для военного управления, оружейные стволы, шашки и сабли. Данный вопрос почти не исследован ни в дореволюционной, ни в советской историографии. Только П. Г. Бутков в своей работе уделяет внимание этой проблеме [2, с. 148].

В связи с тем, что приморский Дагестан стал частью Российского государства, прежний запрет на привоз и продажу железа, а также свинца и боеприпасов горцам был снят 6 ноября 1724 г. По прошению комиссара Демидова указом Сената было разрешено продавать сибирское железо в Астрахань, Баку, Дербент и в другие места для личного пользования [15, с. 113].

Это способствовало развитию торговли. Преемники Петра I отошли от прежней политики царь-реформатора в отношении методов управления кавказскими провинциями. Анна Иоанновна вновь ввела запрет на продажу горцам «заповедных товаров». П. Г. Бутков говорит, что данный запрет введен указом от 20 мая 1734 г. «О неделании и не продаже нигде пороха, кроме казенных заводов и пороховых поставщиков; о невыезде за границу и о не продаже чужеземцам пороха и свинца», который предусматривал: «А за чужия границы, не токмо из Наших подданных на продажу вывозить, но и в нашем государстве чужестранным приезжим людям, не токмо пороха, но и свинца отнюдь ничего не продавать, и за границы вывозить не допускать, под опасением отнятия движимого и недвижимого имения, и смертной казни и разорения. Итого накрепко смотреть нашим канцелярии артиллерии и фортификации, губернаторам и вице-губернаторам и обер комендантам и комендантам и воеводам, и в ратушах бургомистрам, и на заставах офицерам и солдатам, и всякого чина людям, под опасением суда, и онаго ж наказания. И о том повелели мы, во всем нашем государстве публиковать сими нашими печатными указами» [Цит. по: 2, с. 148].

Имеющиеся в нашем распоряжении документы сообщают, что данный запрет был введен не в 1734 г., как об этом говорит П. Г. Бутков, а, видимо, в самом начале 30-х гг. XVIII в.

Точная дата введения запрета на продажу «заповедных товаров» нам не известна, т.к. текст правительственного указа о введении запрета не выявлен. А вот что сообщают нам по этому поводу архивные документы, касающиеся нарушения запрета на продажу горцам «заповедных товаров», датированные 1732 годом. В одном из ордеров генерала А. Б. Бутурлина на имя безымянного капитана дается в виде цитаты обоснование введения данного запрета (видимо, взято из текста императорского указа): «Ибо здешний легкомысленной и непостоянной горской народ по нынешним конъюнктурам не вовсе бы в развращение пришел».

По указу императрицы Анны Иоанновны от 1 апреля 1732 г. дербентскому коменданту было поручено следить за тем, чтобы купцы в Дербенте привезенное железо под страхом наказания не продавали бы местным жителям, а использовали его только для своих нужд. 19 августа 1732 г. был введен запрет продавать дагестанцам сталь и свинец. Указ 25 ноября 1732 г. обязал коменданта не пропускать к горцам железо [13, д. 5, л. 1, 10, 15 – 15 об., 32 – 32 об.].

Было запрещено под страхом сурового наказания продавать дагестанцам оружие, боеприпасы, лошадей и т.д. [Там же, д. 38, л. 10].

Анна Иоанновна предоставила право командующему на Кавказе по своему усмотрению, уважая просьбы и услуги преданных сопредельных кавказских владетелей, разрешать им покупать железо в небольшом количестве на собственные нужды, но только под строжайшим наблюдением, чтобы количество не превосходило необходимого и чтобы не было никаких злоупотреблений, если железо достанется тем, кто может обрратить его во зло [2, с. 148].

Архивные материалы сообщают, что исключение было сделано для уцмий Кайтага Ахмед-хана. В ноябре 1732 г. по рекомендации генерал-аншефа В. Я. Левашова служителю уцмий Шамсудину было возвращено удержанное железо и было позволено ему вернуться в Кайтаг. Однако эти запреты нарушались русскими военными. Так, в 1732 г. обозный Дербентского пехотного полка Семен Басов и солдат Степан Глатков продали Шемахинскому жителю сталь; в 1733 г. фузилер Дербентского гарнизона Никита Зиновьев продал 2 фунта пороха; солдат Дербентского пехотного полка Василий Дементьев продал 22 патрона с пулями, за что эти преступники по приказу дербентского коменданта были наказаны по статье военного устава с учетом тяжести вины [13, д. 97, л. 15 – 15 об., 21, 30, 32 – 32 об.].

По нашему мнению, в тогдашних обстоятельствах введение правительством Анны Иоанновны запрета на продажу горцам «заповедных товаров» было правомерным, потому что в условиях постоянного лавирования горских владетелей между Россией, Турцией и Ираном нельзя было предоставлять возможность дагестанцам

через приобретение «заповедных товаров» усиливать свою военную мощь. Комендант выплачивал денежное жалование содержащимся в Дербенте аманатам (*аманат (араб.) – заложник; человек, взятый в залог, в обеспечение верности племени или народа, подданства покоренных и пр.* – М.-П. А., Н. Ч.) из средств дербентских доходов, так в 1729 г. – из средств пошлинных денег, а в 1732 г. – из средств таможенных сборов. Из материалов архива можно узнать о размерах жалования аманатам [Там же, д. 168, л. 4, 8, 16]. Так, в 1726 г. находившимся в Дербенте аманату табасаранского владельца – майсума (*Табасаранское майсумство – государственное образование, существовавшее на территории Дагестана; его правитель носил титул «майсум»* – М.-П. А., Н. Ч.) – сыну его выдавалось по 10 руб. на месяц, Муртузалею и его служителям на прокорм – 10 руб., а племяннику майсума Селилмагамету со служителями их на месяц – 10 руб. В 1733 г. 16 аманатам полагалось 3 коп. в день, а за полмесяца платили 20 рублей, в то время как в 1729 г. присланным в аманаты давали в день по 2 руб. из местных доходов [Там же, д. 96, л. 3, 4 – 6 об., 16, 35, 72].

14 июня 1726 г. аманатам, которые были присланы в Дербент от генерал-майора Г. С. Кропотова, «кайтагскому Алхану Давыдеву и служителям его Дачапана шавкала узденю его Баммату выдано по указу коменданта 1 котел и 1 руб. 80 коп., на 10 коп. пшена сорочинского, их лошадям ячменя на 40 коп. – итого 2 руб. 40 коп. ...» [Там же, д. 83, л. 4 – 6 об.]. По имеющимся сведениям в Дербенте находился в качестве аманата в 1723 г. сын Айдемира Эндиреевского [10, с. 280]. Также султан Утамышский вступил в российское подданство и в качестве гарантии своей верности дал аманатов в Дербент, в числе которых был его полуторогдовальный единственный сын. Так, 26 июня 1726 г. сыну утамышского владельца Исмаилу платили 10 руб., «баршлинской деревни знатным узденям детям Арикова сыну Аллавердию жена Кмерметева сына Нуриши Шемседин бекова сыну Искендеру итого 3-м человекам по 5 руб., а всего 4-м человекам на прокорм на месяц 25 руб.» [Цит. по: 3, с. 50].

Вскоре после вступления в Дербент российской армии табасаранский владелец Рустам-кади обратился к Петру I с просьбой оказать помощь в борьбе с уцмием Кайтагским, Сурхай-ханом Казикумухским и Дауд-Хаджи, которые напали на его владения за отказ от участия в военных предприятиях против российских войск. Петр I, который в ходе Персидского похода стремился склонить на свою сторону владельцев Дагестана, в том числе Табасарана, решил оказать Рустам-Кадю всяческую помощь. Об этом свидетельствует грамота Петра I от 1 сентября 1722 г. на имя Рустам-кади, в которой русский император обещал помощь войсками. Это было причиной размещения русского гарнизона на р. Рубасе. Табасаран был принят в подданство России в 1722 г., табасаранские владельцы майсум и кадий были подчинены российскому коменданту в Дербенте [9, с. 253-255].

Как во время похода русских войск (1722-1723 гг.), так и в последующие годы комендантского правления ни один город, ни одно село не подвергались ограблению со стороны русских, их обращение с населением было лояльным. В указе Петра I военным властям, которые одновременно ведали и гражданским управлением, говорилось: «...дабы жителям отнюдь не было, обходились бы зело приятельски и не сурово (кроме тех, кто будет противен), но ласково, обнадеживая их всячески...» [Цит. по: 1, с. 16]. Данным распоряжением Петра I руководствовались русские власти в Прикаспийских областях.

О том, что данный указ Петра I неукоснительно исполнялся военными властями в Дагестане, говорят имеющиеся в нашем распоряжении документы. Так, 22 мая 1733 г. по приказу генерал-майора А. Б. Бутурлина солдатам, находящимся на сенокосных лугах в районе Дербента, было строго приказано, чтобы в армянские и магометанские деревни не ходили и тамошним обывателям обид и разорения не чинили, чтобы не брали у них никаких продуктов. Тем же, кто ослушается, грозил суд. В источнике говорится, что дербентский комендант защищал местное население от противоправных действий со стороны российских военных чинов.

Так, в 1724 г. капрал Дагестанского пехотного 1-го батальона Никита Пименов за то, что он в нарушение указа использовал могильные плиты из верхней крепости Дербента на поделки, был арестован и находился под следствием. 18 мая 1727 г. гренадер Дербентского пехотного полка Иван Кречетов ночью ходил с караула на большой рынок и поломал у дербентского жителя лавку, за что был наказан прогоном шпицрутенами через полк по 1 разу в течение 3 дней и снова записан в гренадеры. 9 мая 1728 г. есаул, сотник и 7 казаков донского войска были замечены в воровстве «пожитков басурманских» и, чтобы избежать мести наиба, были высланы из города в дальние сады, где они зарубили местную жительницу. За это вместо смертной казни (повешение) есаул и сотник были биты 40 раз кнутом, а казаки 30 раз [13, д. 169, л. 4 – 6 об.].

В завершение следует подчеркнуть, что имеющиеся в нашем распоряжении архивные документы (дело-производство гарнизона Дербента) свидетельствуют, что глава гарнизона Дербента – комендант занимался осуществлением кавказской политики России на подконтрольной ему территории. Упомянутые в статье документы говорят, что дагестанские владельцы вели с ним оживленные переговоры. Средства, используемые комендантом, с нашей точки зрения, были оправданными и способствовали осуществлению кавказской политики России в данном регионе Дагестана. Мы считаем, что дербентские коменданты, используя целый набор методов, сумели не только контролировать как сам Дербент, так и территорию, входившую в состав Дербентского ханства, а также оказывать влияние на политику как Кайтагского уцмийства, так и Табасаранских владельцев – кадия и майсума. Конечно, нестабильная обстановка на Кавказе, и в Дагестане в частности, из-за обострения противостояния в данном регионе России, Турции и Ирана имела негативное влияние на взаимоотношения России с Кайтагом и другими дагестанскими правителями, т.к. уцмий Кайтага, да и другие феодальные правители Дагестана проводили политику лавирования и время от времени меняли свои внешнеполитические приоритеты.

Список литературы

1. Абдуллаев Г. Б. Азербайджан в XVIII в. и взаимоотношения с Россией. Баку, 1965. 248 с.
2. Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. СПб.: Тип. императорской АН, 1869. Ч. 1. 548 с.
3. Гаджиева С. Ш. Кумыки: историко-этнографическое исследование. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 385 с.
4. Дополнения к Деяниям Петра Великого, том XVIII и последний, содержащий в себе состояние России, в каком сей, великий Государь оставил ее по себе. М.: Универ. типография у Ридигера и Клаудия, 1797. 582 с.
5. Козубский Е. И. История города Дербента. Темир-Хан-Шура: Русская тип. В. М. Сорокина, 1906. 468 с.
6. Курукин И. В. Персидский поход Петра Великого. Низовый корпус на берегах Каспия (1722-1735 гг.). М.: Квадрига, 2010. 381 с.
7. Лысцов В. П. Персидский поход Петра I: 1722-1723 гг. М.: Изд-во МГУ, 1951. 247 с.
8. Опись высочайшим указам и повелениям, хранящимся в Санкт-Петербургском Сенатском архиве за XVIII век / составил П. Баранов. СПб., 1875. Т. 2. 1725-1740 гг. 1033 с.
9. Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII в.: документы и материалы / сост. Р. Г. Маршаев. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1958. 336 с.
10. Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX вв.: сборник документов / отв. ред. В. Г. Гаджиев. М.: Наука, 1988. 357 с.
11. Сотавов Н.-П. А. Внешнеполитические отношения Дагестана со странами Востока (Турция, Иран) в первой половине XVIII века: дисс. ... к.и.н. Махачкала, 1968. 273 с.
12. Центральный государственный архив Республики Дагестан (ЦГА РД). Ф. 11. Оп. 1.
13. ЦГА РД. Ф. 18. Оп. 1.
14. ЦГА РД. Ф. 382. Оп. 1.
15. Чулков М. История краткая Российской торговли. М.: Тип. Пономарева, 1788. 314 с.

**COMMANDANT OF DERBENT: RIGHTS AND AUTHORITIES AS REPRESENTATIVE
OF RUSSIAN IMPERIAL POWER IN DAGHESTAN (1722-1735)**

Abdusalamov Magomed-Pasha Balashovich, Ph. D. in History
Dagestan State Institute of National Economy
vikingpasha@mail.ru

Chekulaev Nikolai Dmitrievich, Ph. D. in History
Institute of History, Archaeology and Ethnography of Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences
bratzikow1974@mail.ru

Basing on the analysis of Kizlyar commandant's archive the authors for the first time consider the rights and authorities of Derbent commandant, and single them out into the object of a separate research that allows revealing the specificity and particular content of the studied subject. The authors objectively conclude that the jurisdiction of Derbent commandant involved not only administrative, but also financial and economic functions.

Key words and phrases: commandant; Nizovoi (Lower) corps; Derbent; Dagestan; Caucasian policy; amanats (hostages).

УДК 343

Юридические науки

Автором анализируются недавно внесенные изменения в ст. 144 УПК РФ, позволяющие, на стадии проверки сообщения о преступлении, проводить судебные экспертизы. Раскрывается специфика назначения и производства судебных экономических экспертиз. Подчеркивается необходимость качественной подготовительной работы лица, инициирующего вынесение постановления о назначении экспертизы такого рода. Основное внимание автор акцентирует на негативном следствии скоротечного назначения судебных экономических экспертиз в расследовании преступлений экономической направленности.

Ключевые слова и фразы: судебная экспертиза; эксперт; специальные знания; уголовное дело; заключение эксперта; экономические преступления; формы использования знаний; сообщение о преступлении; постановление о назначении судебной экспертизы.

Акифьева Галина Вячеславовна

*Экспертно-криминалистический центр ГУ МВД России по Алтайскому краю
Akifeva_galina@mail.ru*

**НОВЕЛЛЫ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ И ПОРЯДОК ИСПОЛЬЗОВАНИЯ
СПЕЦИАЛЬНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ В РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ[©]**

Практике расследования преступных деяний в сфере экономики известны различные формы использования специальных экономических знаний, содержание которых представлено аудиторскими заключениями,